УДК 376.7

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2020-1/5-17

П.А. Лапин*

ОЧЕРК ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЮЖНОЙ МАНЬЧЖУРИИ (МУКДЕНСКАЯ ПРОВИНЦИЯ) В ПОЗДНИЕ ГОДЫ ДИНАСТИИ ЦИН

История распространения русского языка в Мукденской провинции в поздние годы династии Цин была во многом уникальна. В связи с особой политической ситуацией, возникшей вследствие введения в 1900 г. временного внешнего управления этих территорий российской администрацией, а также получением Россией в аренду южной части этой провинции (Квантунская область), там некоторое время сосуществовали российская и китайская системы образования, сориентированные на подготовку подданных своих государств. Объединяло эти школы и училища то, что в связи с потребностью в квалифицированных кадрах со знанием русского языка, в некоторых из них было введено его преподавание китайским слушателям. Кроме подготовки переводчиков на местах власти Мукденской провинции в 1910-х гг. начали командировать своих учащихся в Харбин, где россиянами была создана весьма разветвленная система образования. Некоторые китайские выпускники харбинских учебных заведений впоследствии стали признанными знатоками русского языка, известными общественными и государственными деятелями.

Ключевые слова: Цинская империя, Южная Маньчжурия, Мукденская провинция, Квантунская область, образование, преподавание русского языка

An overview of Russian language teaching in South Manchuria (Mukden province) in the late Qing Dynasty. PAVEL A. LAPIN (Embassy of Russia in Beijing, China)

The article traces the history of the spread of the Russian language in Mukden province during the late Qing Dynasty. Due to specific political situation that came into being as a result of the introduction of temporary external control over this territory by the Russian administration in 1900, as well as Russian lease of the southern part of this province (known as Kwantung region), the Russian and Chinese educational systems co-existed there for some time. Schools and colleges of both systems were united by the fact that responding to the need for qualified personnel with knowledge of the Russian language, some of them started to teach Russian to Chinese students. In addition to training Russian language interpreters in the region itself, the authorities of Mukden province began to send their students to Harbin in the 1910s, where the Russians developed an extended educational system. Some Chinese graduates of Harbin educational

* ЛАПИН Павел Андреевич, кандидат исторических наук, советник по культуре Посольства России в Китае.
E-mail: waijjiao2000@mail.ru
© Лапин П.А., 2020

institutions later became renowned experts in the Russian language, prominent public figures, and statesmen.

Keywords: Qing Empire, South Manchuria, Mukden province, Kwangtung region, education, Russian language teaching

Изучение русского языка в Цинской империи в конце XIX – начале XX вв. строилось с учетом практических потребностей китайского двора по обеспечению контактов с российскими властями. Учебные заведения, в которых вводилось преподавание русского языка, цинские администрации предпочитали открывать в местах компактного пребывания россиян, что было удобно с точки зрения комплектования этих школ и училищ педагогическими кадрами из числа наших соотечественников. В редких случаях школы русского языка создавались нашими официальными представителями. Уникальной в этой связи была история преподавания русского языка в Мукденской провинции, в которой ввиду особой политической ситуации успешно сосуществовали российская и китайская образовательные системы, в том числе обеспечивавшие подготовку местных специалистов со знанием русского языка.

Мукденская провинция (также называют Шэнцзинская или Фэнтяньская провинция; с 1954 г. – провинция Ляонин), располагавшаяся на Ляодунском полуострове, сыграла важную роль в политической истории России и Китая в конце XIX – начале XX вв. По соглашению с цинским двором в 1897 г. Россия начала возведение в Маньчжурии¹ Китайско-Восточной железной дороги, значительно усилив свои позиции в этом китайском регионе. На следующий год, в 1898 г., была подписана новая конвенция, по условиям которой Россия взяла в аренду южную часть Ляодунского полуострова, так называемую Квантунскую область, площадью 2784 кв. верст [35, с. 241]. Это обстоятельство позволило начать строительство южной ветки КВЖД, конечными пунктами которой на юге стали города Порт-Артур (совр. Люйшунь, 旅顺) и Дальний (совр. Далянь, 大连), расположенные на арендованных территориях.

В 1900 г. в Китае вспыхнуло антиевропейское восстание ихэтуаней, которое при поддержке

центральных цинских войск начало угрожать российскому присутствию в Маньчжурии. С целью защиты своих интересов в этом регионе, в том числе на Ляодунском полуострове, Россия ввела туда свои войска, установив временный контроль над всей Маньчжурией. В середине сентября 1900 г. русские войска под командованием вице-адмирала Е.И. Алексеева взяли центральный город провинции – Мукден (совр. Шэньян, 沈阳)². По соглашению с китайским двором от 1902 г. войска должны были быть выведены из Мукденской провинции к февралю 1902 г. (а со всей территории Маньчжурии – к осени 1903 г.) [34, с. 91], за исключением Квантунской области, срок аренды которой составлял 25 лет [34, с. 78].

С учетом особого статуса Мукденской провинции для российской дипломатии этому региону в Петербурге придавалось особо значение. Еще весной 1896 г. при генерал-губернаторе Амурской области была учреждена специальная должность пограничного комиссара области, через которого шло все общение с властями Маньчжурии, включая Мукденскую провинцию. С 1901 г. главным чиновником по военной части в Мукдене был начальник штаба южно-маньчжурского отряда полковник М.Ф. Квецинский, который в 1905 г. вступил в должность военного комиссара этой провинции [25, с. 107]. В соответствии с принятым в России летом 1908 г. законом «Об учреждении консульств в Маньчжурии» в Мукдене открылось Генеральное консульство³. В том же году туда был направлен первый консул А.Н. Грушецкий (1860–1910) [31, с. 695]. На фоне укрепившегося политического присутствия и совершенствования транспортной инфраструктуры развивались двусторонние торгово-экономические

² Подробнее о наступательной операции российских войск в Южной Маньчжурии см.: [6, с. 110–113].

³ По этому закону генеральное консульство также было открыто в Харбине. В Гирине, Цицикаре и Дальнем были учреждены консульства, а в Куанчэнцзы – вице-консульство [32, с. 454–455].

¹ Кроме Мукденской провинции в состав Маньчжурии тогда входили Цицикарская провинция (совр. Хэйлунцзян) и провинция Гирин (совр. Цзилинь).

связи, хотя в меньших масштабах, чем в других провинциях, входивших тогда в Маньчжурию⁴.

С учетом возросших контактов с Россией особую актуальность приобрел вопрос о подготовке квалифицированных переводчиков русского языка из числа китайских поданных, способных обеспечивать практическую работу китайских служб в контактах с россиянами, а также служить в системе КВЖД. «У наших инженеров какие-то отребья вместо переводчиков, – с досадой сообщал весной 1900 г. из Пекина известный востоковед Д.М. Позднеев. – Прямо смотреть страшно, что за китайцы, а именуют себя старшими переводчиками... Если бы хоть один десяток хороших китайцев пустить, то и то было бы спасением» (Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 590. Д. 112. Л. 413). Изучение местными подданными русского языка рассматривалось также в контексте развития приграничной торговли: «Генеральный консул наш в Мукдене и консул в Нючжуане (Инкоу. – *прим. авт.*) надеются, что в ближайшем будущем окажется возможным пригласить русских учителей, так как власти и население проявляют значительный интерес к изучению русского языка, необходимого для торговых отношений с нашим Приморьем и Северной Маньчжурией» (Архив внешней политики Российской Империи, далее – АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2042. Л. 144об).

Руководители провинции имели хороший опыт в области организации образования⁵, по-

этому с учетом практической необходимости довольно оперативно было принято решение об открытии учебного заведения, где в том числе преподавали и русский язык.

Фэнтяньская школа иностранных языков (奉天方言学堂) была открыта в 1908 г. на базе школы монгольского языка. В китайской и российской историографии сохранилось очень немного информации о работе этого учебного заведения. Известно, что для обучения на открывшихся там трех отделениях – русского, японского и английского языков – предполагалось набирать 130 слушателей из числа «лучших учащихся общей средней школы» [42, с. 3556]. Учебные программы предполагалось строить с учетом урочного расписания полной средней школы, что указывало на весьма высокий уровень учебного заведения [49, с. 538].

Однако школа, не успев начать нормальную работу, в 1909 г. была преобразована в простую полную среднюю школу с пятилетним сроком обучения. Преобразования были проведены с учетом обнародованного в том году указа китайского монарха о закрытии по всей империи училищ иностранных языков (方言学堂). Тем не менее, судя по свидетельствам современников, расформирование этого учебного заведения было во многом ожидаемым и без этого указа. После смерти директора школы, некоего «Гуй До, последовал ряд крайне неудачных назначений – все уроженцы юга, очень повредивших училищу; один инспектор и один директор – скрылись, а последний директор Линь совсем дискредитировал училище и попал под суд» [41, с. 262]. Кроме того, на решение властей не восстанавливать обучение иностранным языкам повлиял и общий спад интереса к училищу: еще в 1908 г. военный губернатор Мукденской провинции Чжао Эрсюань отправил в Пекин доклад, в котором говорил о «крайне незначительном числе учащихся» шко-

⁴ Подробнее см.: [24, с. 550–571].

⁵ В 1908 г. российское консульство в Нючжуане сообщало в посольство в Пекине: «Маньчжурия, поставленная в особые условия вследствие последовавших после 1900 года событий, позднее других частей Китая приступила к деятельности в этом отношении (реформам в области образования. – *прим. авт.*). Тем не менее дело образования в ней, в особенности в южной части ее – Мукденской провинции – быстро подвигается вперед» (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1072. Л. 1об.). Активную работу по модернизации системы образования начал вести назначенный еще в 1895 г. на пост Шэнцзинского военного губернатора (盛京将军) маньчжур Ик-тангга (кит. имя *Икэтанъа*, 依克唐阿, 1834–1899). В 1902 г. уже другой военный губернатор Цзэн Ци (增祺, 1851–1919) обеспечил создание первого в провинции университета – Фэнтяньского университета (奉天大学堂). Вместе с тем наибольших успехов в реформировании образовательной сферы добился военный губернатор Чжао Эрсюнь (赵尔巽, 1844–1927), пребывавший в этой должности с 1905

по 1911 гг. В 1908 г. в провинции функционировало в общей сложности 2149 различных учебных заведений, в том числе дошкольных учреждений и групп выходного дня, которые посещали 85 244 учащихся, или чуть более 11% от общего числа детей и подростков школьного возраста. Незадолго до Синьхайской революции 1911 г. общее количество учебных заведений достигло порядка 2,7 тыс. с общим числом учащихся около 106 тыс. чел. С целью управления системой образования в 1905 г. в Мукдене было учреждено управление образования (学务处) [4, с. 327; 10, с. 170; 20, с. 11–37; 16, с. 209–210].

лы иностранных языков [11, с. 5639]. И это при том, что в перспективе он планировал открыть там еще отделения французского и немецкого языков [11, с. 5639]. После закрытия учебного заведения учащиеся по желанию перевелись в новую школу [49, с. 539].

Другим центром преподавания русского языка были открывшиеся в конце 1908 г. при Фэнтяньской библиотеке курсы иностранных языков (奉天方言肄习所). Там предусматривалось изучение русского, английского и японского языков [11, с. 5681]. Для удобства учащихся было введено две формы обучения: дневная («цзя бань») и вечерняя («и бань»). На курсы зачислялись лица, «состоявшие кандидатами на должность, а также состоящие на действительной службе» (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1072. Л. 100). Срок обучения (в зависимости от отделения) составлял два или три года [42, с. 3556–3557]. Куратором курсов был назначен некий Хуан Шифу (黃仕福).

Курсы, судя по всему, были на хорошем счету у властей. Назначенный в 1909 г. на пост наместника Трех восточных провинций Си Лян (锡良, 1853–1917) в апреле того же года посетил учебное заведение [36, с. 5].

Самым многочисленным по количеству учащихся было именно отделение русского языка, которое посещали в общей сложности порядка 150 слушателей [1, с. 34]. Русский язык преподавал некий китаец Ло Чжунвэнь (罗忠文), который покинул учебное заведение, видимо, к концу лета 1909 г. С целью обеспечения учебного процесса в августе того же года руководство курсов пригласило для преподавания русского языка китайского переводчика из местной дипломатической канцелярии Ху Голю (胡国祿) [13, с. 5].

В апреле 1909 г. русское отделение посетили три российских студента, которые присутствовали на уроках русского языка и общались с местными студентами на русском языке [53, с. 5]. В сентябре 1909 г. курсы были закрыты [16, с. 219].

Надо сказать, что отмена преподавания русского языка в учебных заведениях Мукденской провинции осуществлялась с учетом обнародованных цинским Ведомством по делам просвещения (学部) в мае 1909 г. правил организации обучения иностранным языкам в школах высшего разряда (高等学堂). Теперь предполагалось, что в таких учебных заведениях «проходится английский язык из иностранных языков

как обязательный и немецкий или французский один по выбору...» (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1072. Л. 103). То есть преподавание русского языка, по данному документу, сохранять в школах высшего разряда, выпускники которых поступали в высшие учебные заведения, не предполагалось, что позволяло местным китайским руководителям не уделять вопросу поддержки распространения данного языка на их территориях первостепенное внимание (АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1072. Л. 103).

Попытки популяризации русского языка предпринимались и российскими официальными властями в Мукдене. В 1907 г. на территории управления дипломатической частью планировалось открыть школу русского языка для китайских поданных, информация о деятельности которой, правда, нигде не встречается [52, с. 5].

Несмотря на то, что к началу 1910-х гг. русский язык в Мукденской провинции преподавать фактически престали, потребность в специалистах со знанием данного языка во властных кругах продолжала сохраняться. В связи с отсутствием собственной учебной инфраструктуры и преподавателей местные администраторы приняли решение наладить обучение своих специалистов в Харбине, в котором с момента его основания в 1898 г. российскими властями началось создание разветвленной системы образования, в том числе рассчитанной на подготовку китайских слушателей⁶.

После переговоров наместника Трех восточных провинций Чжао Эрсюня⁷ с управляющим КВЖД Д.Л. Хорватом было решено организовать обучение китайских учащихся в открытых в 1906 г. в Харбине мужском и женском коммерческих училищах, являвшихся одними из лучших учебных заведений города⁸. Весной – летом 1911 г. в Мукдене проводились мероприятия по формированию группы учащихся. Было выявлено множество претендентов, в результате чего мукденский инспектор по делам образования Лу Мучжай (卢木斋) разработал критерии отбора абитуриентов [43, с. 1]. По итогам аттестации в группу были записаны 19 учащихся, рекомендованных для командирования в харбинские коммерческие училища на учебу за счет китайской казны, и 2 учащихся, которые

⁶ Подробнее см., напр.: [14, с. 51–58].

⁷ Назначен на пост наместника в 1911 г. после ухода в отставку Си Ляна.

⁸ Подробнее об училищах см., напр.: [40, с. 157–160].

решили направиться в Харбин за свой счет [37, с. 3]. Как сообщалось в местной прессе того времени, напутствие учащимся перед отправкой дал наместник Чжао Эрсюнь, а инспектор Лу Мучжай провел церемонию проводов, в ходе которой в том числе ознакомил китайских слушателей с разработанными им правилами пребывания учащихся в Харбине [38, с. 2]⁹.

Местная пресса уделила большое внимание поездке китайских учащихся в Харбин. В ведущих местных газетах «Шэнцзин шибао» (盛京时报), «Юаньдун бао» (远东报) и «Шэнь бао» (申报) было опубликовано немало заметок по этой тематике, сегодня ставших ценными источниками по истории русистики в Маньчжурii в поздние годы династии Цин.

Учащиеся, по данным газеты «Юаньдун бао», отправились из Мукдена в Харбин через Хунчунь 8 сентября ранним утром и уже во второй половине дня прибыли к месту назначения. В поездке группу сопровождал чиновник управления образования Ван Сян (汪翔) [26, с. 5]. На вокзале Харбина китайских гостей встречала представительная совместная российско-китайская делегация, в которую в том числе входили глава Харбинского таможенного управления (哈尔滨关道衙门), хорошо известный китайский русист Ли Цзя'ао (李家鳌, 1863–1926)¹⁰, представитель КВЖД М.Е. Афанасьев (1857–1936)¹¹, основатель и главный редактор газеты «Юаньдун бао» рос-

сиянин А.В. Спицын (кит. имя – Ши Бичэнь, 史弼臣), инспекторы Харбинских мужского и женского коммерческих училищ, где планировалось обучение китайских учащихся. Вечером 8 сентября в честь китайской делегации был дан торжественный прием [38, с. 2]. 9 сентября официальные мероприятия по приему китайских учащихся в Харбине продолжились, вечером они были приглашены в кинотеатр на просмотр фильма [39, с. 2].

Китайские абитуриенты по два человека были распределены на проживание в одиннадцать российских семей, которые обязывались решать все хозяйственно-бытовые вопросы гостей [54, с. 19–20]. За это китайская сторона выплачивала по 30 рублей за каждого подростка [54, с. 15].

По итогам приема китайской делегации Чжао Эрсюнь направил в управление КВЖД благодарственное письмо, в котором, в частности, отметил следующее: «...В Харбин для обучения в коммерческих училищах были направлены 20 китайских слушателей. После приезда российские большие и малые чины принимали их с почетом, в связи с чем выражаю благодарность. Учащиеся распределены в коммерческие училища, получают российское образование, что в будущем неминуемо принесет большую пользу коммерческим связям двух государств» [54, с. 19].

После решения всех организационных вопросов, 14 сентября учащиеся приступили к обучению. В связи с тем, что они не владели русским языком, руководство коммерческих училищ организовало курсы русского языка с прикомандированием преподавателя с педагогической нагрузкой в 30 учебных часов в неделю. Предполагалось, что по истечении года учащиеся будут включены в число слушателей коммерческих училищ и начнут обучаться на равных с российскими учениками условиях [54, с. 20]. После удачной отправки китайских подростков в харбинские учебные заведения, впоследствии власти Мукдена еще неоднократно командировали туда своих учащихся [54, с. 20–21]. Как и первая китайская группа, все новые ученики проходили обучение на базе харбинских коммерческих училищ, где изучали не только русский язык, но и различные общеобразовательные и специальные курсы [54, с. 20–21].

Китайские слушатели учились весьма старательно, равнялись на русских однокурсников.

⁹ Это был комплексный документ, состоявший из восьми пунктов и регламентировавший различные аспекты пребывания учащихся в Харбине. Командируемые должны были неукоснительно выполнять требования уставов коммерческих училищ, старательно учиться. Значительная часть пунктов документа формулировала чисто этические правила нахождения молодых китайцев среди групп иностранцев: предписывалось быть аккуратными, учтивыми и вежливыми, уважительно относиться к традициям и устоям россиян, поддерживать дружеские контакты с российскими учащимися [17, с. 1].

¹⁰ Ли Цзя'ао в 1887–1893 гг. был драгоманом китайского посольства в Санкт-Петербурге, в 1917 г. служил генконсулом во Владивостоке, с 1919 г. – Высоким комиссаром Китая в Сибири. В 1923 г. был назначен посланником в Москву, где скончался в сентябре 1926 г.

¹¹ С ноября 1909 по февраль 1910 гг. М.Е. Афанасьев занимал должность председателя попечительского совета Харбинских мужского и женского коммерческих училищ. С декабря 1911 г. был назначен на должность помощника управляющего КВЖД по гражданской части.

В июне 1913 г. в училищах прошла аттестация, по итогам которой принималось решение о зачислении китайских абитуриентов на основной курс обучения [18, с. 7]. В ходе экзаменов, как отмечали современники, было «приятно отметить, что в такой сравнительно короткий промежуток времени, как два года, китайские ученики и ученицы, не знавшие ранее ни одного слова по-русски, настолько подготовились, что смогли обучаться общеобразовательным предметам совместно с русскими учащимися» [Цит. по: 21, с. 48].

Обучение китайских подростков из Мукденской провинции в коммерческих училищах подняло авторитет этих учебных заведений среди китайцев. Несмотря на то, что с 1913 г. командирование учащихся в Харбин из этой провинции по причине перебоев с финансированием было прекращено, туда активно ехала молодежь из Чифу (совр. Яньтай, пров. Шаньдун), и что важнее – из Пекина и далекого Шанхая [40, с. 159]. К 1925 г. коммерческие училища окончили в общей сложности 22 китайских ученика и 10 учениц [14, с. 57].

Кроме командирования местных учащихся в Харбин на учебу мукденские администраторы также организовывали там стажировки своих служащих. В сентябре 1910 г. по ходатайству наместника Трех восточных провинций Си Ляна в мукденское управление внешних связей (奉天交涉司) были зачислены на службу пять выпускников¹² пекинской Школы русского языка Восточных провинций при Восточной железной дороге (东省铁路俄文学堂; открыта в 1899 г.) для работы по линии КВЖД [48, с. 5]. Через год, в октябре 1911 г., руководитель этого управления Сюй Динлинь (许鼎霖), проведя подготовительную работу, направил троих¹³ из них в Харбин в ставку начальника района Биньцзян (滨江道署) для прохождения языковой стажировки. Сюй Динлинь справедливо полагал, что там «находится много русских и при частых контактах и разговорах с ними будет достигнут прогресс [в знании русского языка]» [47, с. 5]. Предполагалось, что после прохождения практики они вернутся в Мукден для продолжения работы в управлении.

Применительно к распространению русского языка Мукденская провинция имела важную особенность – в связи с особым политическим

положением здесь сосуществовали учебные заведения, открытые как местными властями, так и российской администрацией. Как указывалось, в 1898 г. Россия получила в аренду Квантунскую область, которая в административном плане составляла два округа и четыре города: Порт-Артур (кит. Люйшуань, 旅顺), Бизцыво (貔子窝), Дальний (кит. Даляньвань, 大连湾) и Цзиньчжоу (金州) [35, с. 241]. По данным на 1903 г., в Квантунской области проживало 3 286 россиян, 704 из которых были дети (при этом в 1900 г. российских детей было всего 86) [45, с. 673]¹⁴. В августе 1899 г. было принято «Временное положение об управлении Квантунской областью», на основании которого осуществлялось руководство этой территорией. Управляющим был назначен генерал-майор Д.И. Субботич¹⁵.

По условиям конвенции об аренде Квантунской области, китайские подданные, проживавшие ранее на этой территории, не выселялись, но имели право продолжать находиться там [34, с. 79]. В результате в 1899–1904 гг. численность местного населения Квантунской области (подавляющее большинство составляли китайцы, за ними следовали маньчжуры) оставалась неизменной – в пределах 250–300 тыс. чел. [2, с. 12; 7, с. 259; 22, с. 24; 15, с. 86].

При организации работы по управлению этой новой территорией российские власти сталкивались с трудностями, связанными с отсутствием квалифицированных переводчиков с обеих сторон. В этой связи вскоре после установления российского присутствия на полуо-

¹⁴ В этой связи важной задачей местной администрации было обеспечение образовательных возможностей для детей российских служащих. Первое начальное учебное заведение для российских детей – Порт-Артурское городское двухклассное Пушкинское училище с пятилетним курсом обучения – было открыто в 1899 г. в Порт-Артуре. Директором была М.С. Савельева. Там обучались 40 детей при пяти учителях. В 1903 г. в Порт-Артуре были также открыты женская гимназия и реальное мужское училище. Кроме этого, в Бизцыво и Цзиньчжоу русская администрация создала четырехклассные школы. Все российские учебные заведения в Квантунской области перестали вести работу после начала Русско-японской войны в 1904 г., некоторые из них были эвакуированы в Читу. Подробнее о русском образовании в Квантунской области см.: [1, с. 78–84].

¹⁵ Подробнее о системе административного управления областью см.: [35, с. 241–247; 15, с. 86].

¹² Вэнь Бин (文炳), Чжан Юйхэн (张裕恒), Цзи Дунь (吉敦), Бинь Куй (彬魁) и Юй Шао'у (俞绍武).

¹³ Юй Шао'у, Цзи Дунь, Чжан Юйхэн.

строве Д.И. Субботич распорядился направлять в Пекин «нескольких офицеров на срок, достаточный для освоения» устного и письменного китайского языка с тем, чтобы «лица эти впоследствии могли занять штатные места не только переводчиков, но главным образом по администрации исполнительной» [45, с. 672]. Это было оправданным решением, так как в начале 1900-х гг. в русской администрации работало немало китайских служащих, в том числе на таких важных участках, как управления по финансовой и дипломатической части [27, с. 8–10]. По оценкам современников, их уровень владения русским языком был весьма низким, в связи с чем в делопроизводстве на них «нельзя было вполне положиться» [45, с. 672].

Параллельно с подготовкой российских служащих со знанием китайского языка наши администраторы проводили мероприятия по системному обучению местных молодых подданных русскому языку. При том, что в 1903 г. в этой области проживало порядка 56 тыс. китайских детей, местные школы посещали не более 1 900 мальчиков (для девочек школ не было). Но даже наличие такого количества детей и молодых людей из хороших семей предоставляло российским властям большие возможности по распространению русского языка и знаний о России на перспективу с целью формирования в местном обществе прослойки людей, лояльно настроенных в отношении России [15, с. 86]. Более того, существовавшая в то время китайская традиционная система образования претерпевала глубокие изменения. В 1903 г. были запущены реформы по упразднению системы государственных экзаменов на ученые степени «кэцзюй» (полностью отменены в 1905 г.), которые тогда составляли основу классического образования и всей китайской учености¹⁶. В сложившихся условиях китайские семьи искали новые образовательные возможности для своих детей, поэтому при умелой организации процесса обучения российские власти имели шансы привлечь в свои образовательные учреждения немало китайских детей и подростков.

¹⁶ В 1900–1901 гг. в области функционировало 203 начальных конфуцианских школы, в которых готовили претендентов для сдачи этих экзаменов. Общее число обладателей начальной ученой степени «сюцай», проживавших в области, составляло 100 чел., средней «цзюйжэнь» – около 10 чел. [7, с. 261; 15, с. 90].

Так, первая русско-китайская школа (俄清学校) с двухлетним сроком обучения по распоряжению Д.И. Субботича была открыта летом 1899 г. в Бицзыво. Тогда же был разработан комплексный документ – «Правила работы начальных школ города Бицзыво» (貔子窝市初等学校规则), включавший 17 статей. В год основания на нужды учебного заведения из городской казны было выделено 400 рублей. Обучение было бесплатным, что, по всей видимости, повысило интерес к нему со стороны местных жителей. В 1902 г. учебное заведение посещали более 60 китайских детей, дополнительного набора из-за нехватки мест не производилось [45, с. 673]. Первоначально было предусмотрено преподавание только русского и китайского языков. В год открытия в школе русский язык преподавал местный пристав поручик Равис-Пиглевский, окончивший двухклассное училище, и китайский наставник [45, с. 673]. В 1901–1902 гг. школой заведовал А.И. Швецов, который также являлся преподавателем русского языка; в 1902–1903 учебном году учительствовал Семен Самсонович Син, видимо, православный потомок россиян [29, с. 12; 30, 1902, с. 10]. В школе также бесплатно выдавались учебные пособия.

Близ Бицзыво, в г. Цзиньчжоу, была открыта русско-китайская школа садоводства и огородничества. Это, скорее всего, была практическая образовательная база, где воспитанников обучали земледелию. Там служили два садовода: россиянин В.Т. Бляхнерский и китаец Дун Сиюань [30, с. 10]. Для повышения интереса к учебному заведению из питомника при школе китайцам бесплатно отпускались «саженцы деревьев, хорошо переносящих квантунский климат» [33, с. 253]. Кроме этого, там же была открыта начальная общеобразовательная школа для китайских учащихся, в которой в 1901 г. учителем русского языка служил сотник И.М. Хлебников, а с 1902 г. его заменил поручик Ф.И. Голенко, а для преподавания китайского языка был приглашен местный наставник Тин Мочэн [30, с. 10].

В том же 1899 г. при Городском пушкинском училище в Порт-Артуре было открыто отделение русского языка для китайских учащихся на 30 мест [45, с. 673], на следующий год количество квот было увеличено до 100 [9, с. 579]. Первым преподавателем этого отделения стал владевший китайским языком российский корреспондент газеты «Новый край» Д.Г. Янчевец-

кий [27, с. 8]¹⁷. В 1902–1903 учебном году на отделении русского языка уже преподавали два наставника: русский язык – некий В.В. Гаккель, помощником у него служил китаец У Чжунлин [30, с. 10]. При школе также были открыты вечерние курсы русского языка для взрослых китайцев.

В 1900 г. школа русского языка была также открыта в Дальнем, там обучались 17 китайских мальчиков [23, с. 31].

Летом 1900 г. Россия получила в аренду город Инкоу (营口; другое название – Нючжуан), которым управляла до лета 1904 г. Это был важный экономический и административный центр. Несмотря на то, что Инкоу находился на территории Мукденской провинции, местный руководитель подчинялся непосредственно генерал-губернатору центральной провинции Чжили¹⁸. Русское руководство здесь, как и в других частях Квантунской области, столкнулось с нехваткой квалифицированных кадров из местных подданных со знанием русского языка. В этой связи по инициативе исполняющего обязанности градоначальника Инкоу В.Ф. Гроссе в апреле 1903 г. там была открыта русско-китайская школа с трехгодичным курсом, в которую принимались как россияне, так и китайские подданные. Цель учебного заведения заключалась в том, чтобы «создать по возможности хороших переводчиков, владеющих как русским, так и китайским языком» [50, с. 1]. В школе работали два учителя – россиянин и китаец, занятия китайским и русским языком продолжались по три часа в день [50, с. 1]. В декабре того же года русское руководство в Инкоу приняло решение расширить сеть таких школ до четырех, но, видимо, эти планы так и не были реализованы [10, с. 175].

В сентябре 1900 г. российская администрация приняла «Положение и программу преподавания в русско-китайских школах Квантунской области» (关东州俄清学校规则)¹⁹. Этот

документ вводил единые требования для работы уже созданных русско-китайских учебных заведений. Начиная с 1898 г. в общей сложности было возведено шесть школ для китайских подданных, в которых в 1900-х гг. было предусмотрено до 150 мест [8, с. 68]²⁰. Несмотря на большое количество мест в 1901–1902 учебном году там обучались всего 122 слушателя (без учета школы в Инкоу) [28, с. 65]. Школы посещали исключительно мальчики. Содержались они за счет городских средств. В соответствии с «Положением», кроме русского и китайского языков вводилось преподавание арифметики, географии и истории²¹, а также «элементарное письмо и ознакомление с обязанностями волостного писаря, полицейского служителя и переводчика» [15, с. 90]. Наиболее одаренных китайских выпускников школ планировалось командировать в Россию на учебу [3, с. 85]. Изучающих русский язык было явно недостаточно для того, чтобы обеспечить нормальную работу русской администрации, вследствие чего она была вынуждена нанимать приезжих китайцев из других районов империи, владевших русским языком²².

В 1901 г. был учрежден Комитет образования Квантунской области, который тогда же разработал «Общий план по развитию школьного дела в провинции Гуандун» (关东省建校纲领), в соответствии с которым ставилась задача увеличения количества школ для китайских подданных, а также наращивания учебной инфраструктуры для детей русских служащих Квантунской области. Реализации планов помешала начавшаяся в 1904 г. Русско-японская война.

Такова была история преподавания русско-го языка в Южной Маньчжурии. Политическая история этого региона в первые годы XX в. предопределила сосуществование там двух систем подготовки китайских специалистов со знани-

¹⁷ В 1900 г. Янчевецкий посетил ряд городов Китая, по итогам чего подготовил дневниковое издание «У стен недвижного Китая. Дневник корреспондента “Нового края” на театре военных действий в Китае в 1900 году». В книге он, в частности, рассказывал о визите в Тяньцзиньскую школу русского языка и общении с учащимися и наставником. См.: [56, с. 52–53].

¹⁸ Подробнее см.: [5, с. 78–91].

¹⁹ Упомянутый документ пока не выявлен в архивах. В российской и китайской историографиях встречаются лишь его частичные упоминания [9, с. 579; 12, с. 129; 51, с. 30].

²⁰ По данным китайской историографии, таких школ в Квантунской области было 15–20, что, конечно, не соответствует действительности [3, с. 85; 4, с. 346; 46, с. 300; 55, с. 74].

²¹ Этим предметам обучали лишь на отделении для китайских учащихся пушкинской школы в Порт-Артуре.

²² По данным переписи населения 1903 г., в Порт-Артуре, например, насчитывалось 23,5 тыс. китайцев, 1,2 тыс. из которых владели в той или иной степени русским языком [8, с. 68].

²³ Другое название Квантунской области.

ем русского языка: российской – в Квантунской области и китайской – на оставшейся территории Мукденской провинции.

Установление Российским государством временного внешнего контроля над Мукденской провинцией и строительство южной ветки КВЖД привело к активизации двусторонних политических и торгово-экономических связей. Несмотря на явные практические потребности в подготовке специалистов со знанием русского языка первые учебные заведения, где велось его преподавание, были открыты лишь в 1908–1909 гг., просуществовали они совсем недолго, в том числе по причине активной внешней политики Японии в регионе, были закрыты или расформированы. Сегодня сложно сказать, насколько они были эффективны с точки зрения подготовки переводчиков русского языка, скорее всего их работа была малорезультативной – просуществовали школы всего несколько лет и за столь короткий срок были не в состоянии обеспечить качественную подготовку специалистов-русистов.

Во многом схожей была ситуация и в Квантунской области, где еще в 1901 г. была разработана программа развития школьного дела, в том числе в интересах подготовки местных подданных. По условиям Портсмутского мира 1905 г., подписанного по итогам Русско-японской войны, Россия уступила эти территории и южную ветку КВЖД Японии. С этого момента там началось активное насаждение японской системы образования, прежде всего сориентированной на обучение китайских подданных. За короткий срок с 1905 по 1909 гг. в Квантунской области было открыто семь учебных заведений для китайцев, которые посещали 1 476 слушателей при 42 учителях-японцах, что значительно превосходило масштабы образовательной политики российских властей в этом регионе в 1900–1904 гг. [16, с. 245].

Наиболее действенным механизмом подготовки будущих русистов стала инициированная наместником Трех восточных провинций Чжао Эрсюнем практика командирования самых успешных молодых людей из Мукдена в Харбин для обучения в Харбинском женском или мужском коммерческом училище. Некоторые учащиеся первой волны (сентябрь 1911 г.) впоследствии получили известность переводчиков, дипломатов, педагогов²⁴. Наибольших

успехов добился Гуань Хунъи (关鸿翼, 1892–1954), выдающийся организатор издательского дела, который после объединения нескольких газетных изданий в 1937 г. основал авторитетную харбинскую газету «Бинцзян жибао» (滨江日报), а в 1945 г. получил пост заместителя мэра Харбина²⁵.

В целом весьма слабая подготовка русистов в Южной Маньчжурии хорошо компенсировалась командированием лучших учащихся в Харбин, что давало неплохие результаты и позволяло властям Мукдена хотя бы частично компенсировать потребности в специалистах со знанием русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоглазова С.Б. История русских школ в Квантунской области (конец XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. 2011. № 3. С. 78–84.
2. В.П.-ъ. Квантунская область. Порт-Артур и Дальний. Житомир: Типография «Труд и искусство», 1904.
3. Ван И. Ша э дуй далянь дэ чжиминь тунчжи (Колониальное управление царской России Далянем) // Ляонин шифань дасюэ сюэбао (шэкэ бань). 1991. № 5. С. 83–86.
4. Ван Хунбин, Сян Нань, Сунь Сяоэнь. Дунбэй цзяоюй тунши (Общая история образования на Северо-Востоке [Китая]). Шэньян: Ляонин цзяоюй чубаньшэ, 1992.
5. Дацышен В.Г. Инкоу: из опыта российского колониализма // Восток. 1995. № 4. С. 78–91.
6. Дацышен В.Г. Русско-китайская война. Маньчжурия 1900. Ч. I. Боевые действия на су-

ском посольстве в Москве. Чжан Гочэн (张国臣) был руководителем департамента образования Особого района восточных провинций (东省特别区教育厅). Цзоу Шанью (邹尚友) работал на различных должностях в китайском внешнеполитическом ведомстве и за рубежом: в 1927 г. был назначен генконсулом во Владивостоке, в 1935 г. исполнял обязанности генконсула в Новой Зеландии, в годы Второй мировой войны служил директором Азиатского департамента МИД Китая, а впоследствии – посланником в Турции и Афганистане. Подробнее см.: [19, с. 120].

²⁵ После обучения в течение восьми лет в Харбинском мужском коммерческом училище Гуань Хунъи поступил в Харбинский юридическо-политический университет. Овладел в совершенстве русским языком и юриспруденцией. В 1925 г. в составе китайской официальной делегации посещал Советский Союз, Германию и Францию. В 1926 г. служил директором газеты «Харбинские известия» (哈尔滨公报). Подробнее см.: [44, с. 71].

²⁴ Например, Те Шуанхэн (铁双恒) занимал различные посты в системе КВЖД и служил в китай-

хопутном фронте. СПб.: Издательство «ИПТ», 1996.

7. Дацышен В.Г. Китайское население русской Квантунской области // Общество и государство в Китае: 29-я научная конференция. Т. XXVIII. Ч. 2. М., 1998. С. 258–264.

8. Дацышен В.Г. Андреевский флаг над Порт-Артуром // Азия и Африка сегодня. 1998. № 3. С. 65–68.

9. Дацышен В.Г. Изучение русского языка в Китае в конце XIX – начале XX в. // Общество и государство в Китае: 43-я научная конференция. Т. XLIII. Ч. 1. М., 2013. С. 577–586.

10. Дунбэй дифан цзяоюй ши (История местного образования на Северо-Востоке [Китая]) / под ред. Ци Хуншэня. Шэньян: Ляонин дасюэ чубаньшэ, 1992.

11. Дун сань шэн чжэнлюэ (Политическая стратегия в трех Восточных провинциях). Т. 10. Тайбэй: Вэньхай чубаньшэ, 1965. С. 5621–6176.

12. Дун Чжичжэн. Люй да шихуа (Исторические рассказы о Люйшуне и Даляне). Далянь: Ляонин чубаньшэ, 1984.

13. Юань цзянь чун цзяюань (Назначение переводчика по совмещению преподавателем) // Шэнцзин шибao. 1909. № 874.

14. Каневская Г.И. Русское образование в Харбине. Конец XIX – середина XX веков // Россия и АТР. 1997. № 3. С. 51–58.

15. Квантунская область // Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1903 год. Томск: Издание Ф.П. Романова, 1903.

16. Ли Сипин. Ляонин цзяоюй ши (История образования в провинции Ляонин). Шэньян: Ляохай чубаньшэ, 1998.

17. Лу сы ши сюнь цзе фу ха сюэшэн гуй ба цзэ (Поучительные правила из восьми пунктов чиновника Лу для учащихся, направленных в Харбин) // Юаньдун бао (маньчжоу синьвэнь, фэнтянь). 1911. № 1368.

18. Лю ха э шанью сюэтан сюэшэн чжи цзиньбу (Прогресс учащихся в российских коммерческих училищах) // Шэнцзин шибao. 1913. 20 июня.

19. Лю Чжэньюй. Вань цин фэнтянь сюэцзы «люсюэ» хаэрбин дэ лиши каоча (Историческая анализ обучения учащихся из Мукденской провинции в Харбине в позднее годы династии Цин) // Ланьтай шицзе. 2016. № 12. С. 118–120.

20. Ляонин гаодэн сюэсяо яньгэ, 1902–1982 (Эволюция высших учебных заведений провинции Ляонин, 1902–1982) / под ред. Сунь Хуасюя. Шэньян: Ляонин дасюэ чубаньшэ, 1983.

21. Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М.: Наука, 1991.

22. Новые русские владения на крайнем Востоке / под ред. В.В. Федорова. СПб.: Народное чтение, 1902.

23. Обзор Дальнинского градоначальства за 1902 г. Порт-Артур: Типография газеты «Новый край», 1903.

24. Описание Маньчжурии / под ред. Д. Позднеева. Т. I. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлиха, 1897.

25. Павлов Ю.А. Офицеры – пограничные комиссары на Дальнем Востоке (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник ДВО РАН. 2007. № 1. С. 105–109.

26. Пай юань хусун эвэнь шансяо сюэшэн (Направление чиновника для сопровождения учащихся для обучения в коммерческом училище) // Шэнцзин шибao. 1911. № 1456.

27. Памятная книжка Квантунской области. Порт-Артур: Типография военного отдела штаба Квантунской области, 1900.

28. Памятная книжка Квантунской области на 1901–1902 гг. Ч. I. Порт-Артур: Типография А.Я. Опарина, 1901.

29. Памятная книжка Квантунской области на 1901–1902 гг. Ч. II. Порт-Артур: Типография А.Я. Опарина, 1901.

30. Памятная книжка Квантунской области на 1902–1903 гг. Ч. II. Порт-Артур: Типография Г.К. Иогонсона, 1902.

31. Петербургский некрополь. Т. I. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1912.

32. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVIII. 1908. Отделение I и дополнения. СПб.: Государственная типография, 1911.

33. Порт-Артур и Квантунская область // Вестник иностранной литературы. 1904. Апрель. С. 247–256.

34. Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М.: Восточная литература, 1958.

35. Салогуб Я.Л., Казанцев В.П. Городское управление Квантунской области в 1898–1905 гг. // Общество и государство в Китае: 43-я научная конференция. Т. XLIII. Ч. 2. М., 2013. С. 211–217.

36. Си шуай чжуи фанянь сюэ (Генерал Си уделяет внимание изучению иностранных языков) // Шэнцзин шибao. 1909. № 768.

37. Сюаньпай сюэшэн жу э сяо (Командирование слушателей [для обучения] в россий-

ской школе) // Шэньбао (ди и чжан фуфу). 1911. № 13837.

38. Сян чжи бэньбу чжунъэ хуаньин фэнтянь сюаньпай сюэшэн ши (Подробная история вопроса китайско-российской встречи в Харбине командированных из Мукденской провинции учащихся) // Юаньдун бао (бэньбу яовэнь). 1911. № 1368.

39. Сян чжи чжунъэ гуань хуаньин фэн пай сюэшэн ши (Подробная история встречи китайскими и российскими официальными лицами прибывших из Мукденской провинции учащихся) // Юаньдун бао (бэньбу яовэнь). 1911. № 1369.

40. Таскина Е. Харбинские коммерческие училища КВЖД // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 1. С. 157–160.

41. Упразднение училищ иностранных языков // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 261–263.

42. Фэнтянь тунчжи (Общая история провинции Фэнтянь) / под ред. Цзинь Юйфу. Т. 4. Ляохай: Ляохай чубаньшэ, 2002.

43. Фэншэн сюаньпай лю э сюэшэн (Командирование учащихся из провинции Фэн [тянь] для обучения в России) // Юаньдун бао (Маньчжоу синьвэнь, Фэнтянь). 1911. № 1350.

44. Хаэрбин вэньши жэньу лу (Хроника известных личностей из области литературы и истории Харбина) // Хаэрбин вэньши цзыляо. 1997. № 20.

45. Хвостов А. Русский Китай. Наша первая колония на Дальнем Востоке // Вестник Европы. 1902. Т. 5. № 10. С. 653–696.

46. Цзиньдай вайго цзай хуа вэньхуа цзигоу цзунлу (Каталог иностранных учреждений культуры в Китае в Новое время) / под ред. Го Вэйдуна. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1993.

47. Цзисун эвэнь биешэн фу ха лянсьи (О командировании выпускников [Школы] русского языка [при КВЖД] в Харбин на учебу) // Шэнцзин шибао. 1911. № 1479.

48. Цзисун эвэнь телу биешэн (Командирование выпускников Школы русского языка при [Китайско-восточной] железной дороге) // Шэнцзин шибао. 1910. № 1168.

49. Чжунго цзиньдай сюэчжи шилляо (Исторические материалы по системе образования в Китае в Новое время) / под ред. Чжу Юсяня. Т. II. Шанхай: Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 1989.

50. Школа в Инкоу // Сибирская жизнь. 1903. № 89.

51. Шоу Мин, Чжай Чунь. Гуаньюй цзяоюй юй миньцзу дэ цзяоюй чжэнчжисюэ фэньси (Политологический анализ образования и национального образования) // Шэньян шифань сюэюань сюэбао (шэкэ бань). 1992. № 4. С. 25–30.

52. Э лин кайбань эвэнь гуань (Российский консул открывает школу русского языка) // Шэнцзин шибао. 1907. № 264.

53. Э сюэшэн цангуань фаньянь и си (Российские студенты посещают курсы иностранных языков) // Шэнцзинь шибао. 1909. № 784.

54. «Юаньдун бао» чжайяо (Краткие выдержки из газеты «Юаньдун бао») // Хаэрбин шичжи. 1983. № 5. С. 1–22.

55. Юй Цзыся, Лю Чжэньюй, Чжан Чунь. Чжунъэ (су) цзяоюй цзяолю дэ яньбянь (Эволюция образовательных обменов между Китаем и Россией (Советским Союзом)). Цзинань: Шаньдун цзяоюй чубаньшэ, 2010.

56. Янчевецкий Д. У стен недвижимого Китая. Дневник корреспондента «Нового края» на театре военных действий в Китае в 1900 году. СПб.; Порт-Артур: Издание П.А. Артемьева, 1903.

REFERENCE

1. Beloglazova, S.B., 2011. Istoriya russkikh shkol v Kvantunskoi oblasti (konets 19 – nachalo 20 v.) [History of the Russian schools in the Kwangtung region (late 19th and early 20th century)], Rossiya i ATR, no. 3, pp. 78–84. (in Russ.)
2. V.P., 1904. Kvantunskaya oblast'. Port-Artur i Dal'niy [Kwangtung region. Port-Artur and Dalniy]. Zhitomir: Tipografiya «Trud i iskusstvo». (in Russ.)
3. 王毅, 1991. 沙俄对大连的殖民统治 [Tsarist colonial rule over Dalian]. 辽宁师范大学学报 (社科版), no. 5, pp. 83–86. (in Chinese)
4. 王鸿宾, 向南, 孙孝恩, 1992. 东北教育通史 [General history of education in Northeast China]. 沈阳: 辽宁大学出版社. (in Chinese)
5. Datsishen, V.G., 1995. Inkou: iz opyta rossiiskogo kolonializma [Inkou: Russian colonial experience], Vostok, no. 4, pp. 78–91. (in Russ.)
6. Datsishen, V.G., 1996. Russko-Kitaiskaya voyna. Manchzhuriya 1900. Ch. I. Boevye deistviya na sukhoputnom fronte [Russian-Chinese war. Manchuria 1900. Part 1. Land battles]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «IPT». (in Russ.)
7. Datsishen, V.G., 1998. Kitaiskoe naselenie russkoi Kvantunskoi oblasti [Chinese population of the Russian Kwangtung region]. In: Obshchestvo

- i gosudarstvo v Kitae: 29-ya nauchnaya konferentsiya. T. XXVIII. Ch. 2. Moskva, 1998, pp. 258–264. (in Russ.)
7. Sbornik materialov 28-i nauchnoi konferentsii «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae». Ch. II. Moskva: «Vostochnaya literatura», pp. 258–264. (in Russ.)
8. Datsishen, V.G., 1998. Andreevskii flag nad Port-Arturom [St. Andrew's flag under the Port Arthur], Aziya i Afrika segodnya, no. 3, pp. 65–68. (in Russ.)
9. Datsishen, V.G., 2013. Izuchenie russkogo yazyka v Kitae v kontse 19 – nachale 20 v. [Russian language study in China in the late 19th and early 20th century]. In: Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: 43-ya nauchnaya konferentsiya. T. XLIII. Ch. I. Moskva, 2013, pp. 577–586. (in Russ.)
10. 东北地方教育史 [History of local education in Northeast China]. 沈阳: 辽宁大学出版社, 1992. (in Chinese)
11. 东三省政略 [Political strategy in eastern provinces]. 第10册. 台北: 文海出版社 1965. (in Chinese)
12. 董志正, 1984. 旅大史话 [Historical tales of Lushun and Dalian]. 大连: 辽宁人民出版社. (in Chinese)
13. 译员兼充教员 [Translator appointed teacher], 盛京时报, 1909, no. 874. (in Chinese)
14. Kanevskaya, G.I., 1997. Russkoe obrazovanie v Kharbine. Konets XIX – seredina XX vekov [Russian education in Harbin. Late 19th – middle of 20th century], Rossiya i ATR, no. 3, pp. 51–58. (in Russ.)
15. Kvantunskaya oblast' [Kwangtung region]. In: Sibirskii torgovo-promyshlennyi i spravochnyi kalendar' za 1903 god. Tomsk: Izdanie F.P. Romanova, 1903. (in Russ.)
16. 李喜平, 1998. 辽宁教育史 [History of education in Liaoning]. 沈阳: 辽海出版社. (in Chinese)
17. 卢司使训诫赴哈学生规八则 [Officer Lu's eight regulations for students sent to Harbin], 远东报 (满洲新闻, 奉天), 1911, no. 1368. (in Chinese)
18. 留哈俄商务学堂学生之进步 [Progress of students in Russian commercial schools], 盛京时报, 1913, June 20. (in Chinese)
19. 刘振宇, 2016. 晚清奉天学子留学哈尔滨的历史考察 [Historical analysis of the training of students from Mukden province in Harbin in the late Qing period], 兰台世界, no. 12, pp. 118–120. (in Chinese)
20. 辽宁高等学校沿革, 1902–1982 [History of Liaoning higher education, 1902–1982]. 沈阳: 辽宁大学出版社, 1983. (in Chinese)
21. Melikhov, G.V., 1991. Manchzhuriya dalekaya i blizkaya [Manchuria, far and near]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
22. Fedorov, V.V., 1902. Novye russkie vladeniya na krainem vostokey [New Russian possessions in the Far East]. Sankt-Peterburg: Narodnoe chtenie. (in Russ.)
23. Obzor Dal'ninskogo gradonachal'stva za 1902 god [Review of the city of Dalniy in 1902]. Port-Artur: Tipografiya gazety «Novyi krai», 1903. (in Russ.)
24. Pozdneev, D. ed., 1897. Opisanie Manzhurii [Description on Manchuria]. T. 1. Sankt-Peterburg: Tipografiya U.N. Erlikha. (in Russ.)
25. Pavlov, Yu.A., 2007. Ofitsery – pogranichnye komissary na Dal'nem Vostoke, konets XIX – nachalo XX vv. [Officers – border commissars in the Russian Far East, late 19th and early 20th century], Vestnik DVO RAN, no. 1, pp. 105–109. (in Russ.)
26. 派员护送俄文商校学生 [Appointment of an official to accompany students sent to study at Russian commercial school], 盛京时报, 1911, no. 1456. (in Chinese)
27. Pamyatnaya knizhka Kvantunskoi oblasti [Reference book of Kwangtung region]. Port-Artur: Tipografiya voennogo otdela shtaba Kvantunskoi oblasti, 1900. (in Russ.)
28. Pamyatnaya knizhka Kvantunskoi oblasti na 1901–1902 gg. [Reference book of Kwangtung region, 1901–1902]. Ch. I. Port-Artur: Tipografiya A.Ya. Oparina, 1901. (in Russ.)
29. Pamyatnaya knizhka Kvantunskoi oblasti na 1901–1902 gg. [Reference book of Kwangtung region, 1901–1902]. Ch. II. Port-Artur: Tipografiya A.Ya. Oparina, 1901. (in Russ.)
30. Pamyatnaya knizhka Kvantunskoi oblasti na 1902–1903 gg. [Reference book of Kwangtung region, 1902–1903]. Ch. II. Port-Artur: Tipografiya G.K. Iogonsona, 1902. (in Russ.)
31. Peterburgskii nekropol' [Saint Petersburg's necropolis]. T. I Sankt-Peterburg: Izdanie M.M. Stasyulevicha, 1912. (in Russ.)
32. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. T. XXVIII. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1911. (in Russ.)
33. Port-Artur i Kvantunskaya oblast' [Port Arthur and Kwangtung region], Vestnik inostrannoi literatury, 1904, April, pp. 247–256. (in Russ.)
34. Russko-kitaiskie otnosheniya 1689–1916 Ofitsial'nye dokumenty [Russian-Chinese relations, 1689–1916. Official documents]. Moskva: Vostochnaya literatura, 1958. (in Russ.)

35. Salogub, Ya.L. and Kazantsev, V.P., 2013. Gorodskoe upravlenie Kvantunskoi oblasti v 1898–1905 gg. [Municipal government in Kwangtung region, 1898–1905]. In: Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: 43-ya nauchnaya konferentsiya. T. XLIII. Ch. II. Moskva, pp. 241–109. (in Russ.)
36. 锡帅注意方言学 [General Xi pays attention to the study of foreign languages], 盛京时报, 1909, no. 768. (in Chinese)
37. 选派学生入俄校 [Sending students to Russian schools], 申报 (申报第一张复幅), 1911, no. 13837. (in Chinese)
38. 详志本埠中俄欢迎奉天选派学生事 [Chinese and Russians welcome students sent from Mukden province in Harbin], 远东报 (本埠要闻), 1911, no. 1368. (in Chinese)
39. 详志中俄官欢迎奉派学生事 [Chinese and Russian officials welcome students sent from Mukden province], 远东报 (本埠要闻), 1911, no. 1369. (in Chinese)
40. Taskina, E., 2004. Kharbinskie kommercheskie uchilishcha KVZhD [Harbin commercial colleges of Chinese Eastern Railway], Problemy Dal'nego Vostoka, no. 1, pp. 157–160. (in Russ.)
41. Uprazhdenie uchilishch inostrannykh yazykov [The abolition of foreign language colleges], Vestnik Azii, 1909, no. 1, pp. 261–263. (in Russ.)
42. 奉天通志 [Annals of Fengtian history]. 第4册. 辽海: 辽海出版社, 2002. (in Chinese)
43. 奉省选派留俄学生 [Students from Fengtian province sent to Russia], 远东报 (满洲新闻, 奉天), 1911, no. 1350. (in Chinese)
44. 哈尔滨文史人物录 [Prominent cultural and historical figures of Harbin], 哈尔滨文史资料, 1997, no. 20. (in Chinese)
45. Khvostov, A., 1902. Russkii Kitai. Nasha pervaya koloniya na Dal'nem Vostoke [Russian China. Our first colony in the Far East], Vestnik Evropy, Vol. V, no. 10, pp. 653–696. (in Russ.)
46. 近代外国在华文化机构综录 [An index of foreign cultural institutions in modern China]. 上海: 上海人民出版社, 1993. (in Chinese)
47. 咨送俄文毕业生赴哈练习 [Graduates of Russian language school sent to Harbin to study], 盛京时报, 1911, no. 1479. (in Chinese)
48. 咨送俄文铁路毕业生 [Graduates of Russian language school of Chinese Eastern Railway sent to study], 盛京时报, 1910, no. 1168. (in Chinese)
49. 中国近代学制史料 [Historical materials of modern Chinese academic system]. 下册. 上海: 华东师范大学出版社, 1989. (in Chinese)
50. Shkola v Inkou [A school in Inkou], Sibirskaya zhizn', 1903, no. 89. (in Russ.)
51. 守明, 翟春, 1992. 关于教育与民族的教育政治学分析 [An analysis of educational policy and national system of education], 沈阳师范学院学报 (社科版), no. 4, pp. 25–30. (in Chinese)
52. 俄领开办俄文馆 [Russian consul opens a Russian language school], 盛京时报, 1907, no. 264. (in Chinese)
53. 俄学生参观方言肄习所 [Russian students visit foreign language courses], 盛京时报, 1909, no. 784. (in Chinese)
54. «远东报»摘 [Extracts from «Yuandong bao» newspaper], 哈尔滨史志, 1983, no. 5, pp. 1–22. (in Chinese)
55. 余子侠, 刘振宇, 张纯, 2010. 中俄(苏)教育交流的演变 [The evolution of educational exchanges between China and Russia (Soviet Union)]. 济南: 山东教育出版社. (in Chinese)
56. Yanchevskii, D., 1903. U sten nedvizhnogo Kitaya. Dnevnik korrespondenta «Novogo Kraya» na teatre voennykh deistvii v Kitae v 1900 godu [Near the walls of motionless China. A diary of «Novyi Krai» newspaper's reporter from the theatre of war in China in 1900]. Sankt-Peterburg; Port-Artur: Izdanie P.A. Artem'eva. (in Russ.)